Галина Золотаина

г. Ленинск-Кузнецкий

С приветом – Вова

В воздухе пахло пятнадцатилетием. Непуганые юные дуры таяли, как сосульки, под взглядами мужчин. Я была влюблена в соседа Вову, студента техникума связи. Он выбегал из своего подъезда в спортивном костюме с ведром и легкой походкой устремлялся в подвал за углём. Потом он возвращался с полным ведром угля, стараясь не сгибать спинку под тяжкой ношей. Стройный, белокурый бог моего девичьего сердца.

Мы гуляли с Вовой по аллеям городского парка, а по сторонам стояли отходящие от зимней спячки деревья. Снег мучился под солнечными лучами, но ещё держал оборону, прикрываясь щитом ноздреватой ледяной корки.

Среди деревьев виднелась скульптура лося с лосёнком. «Пойдём, погладим!» - предложил Вова. И легко, почти не касаясь поверхности, пошёл к лосям. Как Христос по водам. Я сделала первый шаг и провалилась по щиколотку. Вытянула из снега ногу, сделала второй шаг и провалилась по колено. Вова вернулся ко мне и, протянув руку, стал помогать. Я выбиралась и снова проваливалась, потом опять и опять…

Это был первый жуткий позор в моей жизни. Весенние каникулы закончились, и Вова уехал в Новосибирск. Он прислал мне два письма, в конце каждого была подпись: «С приветом – Вова».

Вот и всё.

Шкидовская лихорадка

Однажды город накрыла лихорадка беспризорности: на экраны вышел фильм «Республика ШКИД». ДК им. Ярославского терпел небывалый денежный подъём. Мы ходили на все три сеанса ежедневно – ходили классами, группами и дворами.

Наш привокзальный район, именуемый блатными КПД (крупно-панельные дома) имел десятки Мамочек, Гог, Янкелей, Цыганов, Савушек и прочих ярких представителей нашумевшего фильма. Мне присвоили имя «Тоня Маркони», хотя для простоты обращения я была просто Марконей. «Мамочкой» в нашем дворе был Валерка Полевой, абсолютно не похожий на киношного героя – светловолосый крепыш. «Гоги» напоминали змея горыныча, потому что их было сразу трое, как голов у сказоного монстра – Сашка, Витька, Пашка. «Цыганом» была моя рыжая подружка Маринка Меньщикова, а её брат, шестилетний Вовка с вечнозелёной соплёй в ноздре, получил имя «Купа Купыч Гениальный», потому что этот персонаж, кроме Вовки, никто не захотел примерить.

- А мне кем быть, а мне кем быть? – гнусавил Женька Липатов, заморыш и нытик, брат четырнадцатилетнего Сашки Липатого, самого старшего из нас. Он был «Лёнька Пантелеев».

- Ну, Янкелем будешь, - говорил Сашка Женьке. - Нет! Не хочу!

- Ну будь Викниксором!

- Ага, сам-то не он!

- Вот, сука, гундик – гундит и гундит! – злился старший на младшего.

…Когда ажиотаж спал, все помаленьку стали возвращаться к своим настоящим именам, и один только Женька Липатов так и остался Гундиком.

Тантрический смех

Когда запах перегара в квартире начинал зашкаливать, а его источник валялся на диване в многодневном творческом запое, мокрый от избытка вдохновения – я начинала тосковать.

Мне остро хотелось ласки и теплого мужского тела.

В один из таких периодов моего платонического беспутства пришло письмо. В почтовый ящик, который висел на стене в подъезде, изредка получая в свою утробу пацанячьи сигаретные бычки «на запас».

Письмо было доброе, в нём хвалились мои стихи и говорилось о том, что на меня взирают издалека, боясь приблизиться. Из-за моей привлекательности и талантливости. Ну что, я клюнула и всё началось.

После нескольких недель бурной переписки, мы созвонились. Услышав его по проводному телефону, я поняла, что уже отдалась ему. Глуховатый голос, неторопливая речь, язык чистый, без примеси жаргона. Чувство юмора как я люблю – без дежурного острословия ввиде цитат из Ильфа и анекдотов про Ржевского, а такой мягкий меланж, когда основная нить у меня, а он только оттеняет её своей приглушённой цветовой гаммой.

Мы признались друг другу в любви, когда поняли, что нас столкнул на жизненном пути Сам Господь Бог. Он знал меня реальную, а я могла только представлять, какой он. И представлялось мне это так: мужчина средних лет, холостой, с проседью, в голубой рубашке поверх дорогих джинсов, с чистыми благородной формы руками и грустным чуть усталым лицом.

Засыпая, я представляла, что он лежит рядом со мной, обнимает меня, гладит, говорит слова, от которых я краснею, а вокруг рай, рай, рай… И я стала сама настаивать на встрече, он не отказывал мне, но всё время спрашивал, а так ли глубоко моё чуство, что оно способно отсечь физические несовершества и полностью существовать в духовном пространстве. Любовь другого уровня. Он говорил, что мы должны чувствовать друг друга на любом расстоянии, если печально мне, то грустно и ему, Ещё он обещал мне небывалый тантрический секс. «Итить твою мать, - думала я про себя, - не сплоховать бы!

Мы встретились на автобусной остановке «Заявочная». Передо мной стоял дед в голубой рубашке поверх штапельных колхозных джинсов, в вельветовых тапочках цвета кофе с молоком. Его лысина с ореолом седеньких кустиков волос была очень хорошо просматриваема с моего роста, он поднял лицо, посмотрел умно в мои глаза и заулыбался радостно. Во рту были зияющие промежутки и гнилые пеньки. «Пошли!» – сказал он своим восхитительным баритоном. И мы пошли.

Комната гостиничного типа была убрана аскетично: что-то отдалённо похожее на кровать, круглый хрущовских времён стол, такой же комод. По стенам были развешаны увеличенные любительские фотографии молодого черноволосого мужчины: вот он в плаще-болонья, вот в олимпийке с замочком до середины груди, а ещё на речке в чёрных трусах до колен, стройный такой, с волосатенькой грудью. У окна на полу, на самом видном месте лежали гантели, у кровати, как пантера в покое лежала штанга. С реквизитом он подготовился.

Круглый стол был накрыт так: портвейн «777», хлебушек косыми ломтиками, иваси, колбаса любительская и два гранёных стакана. Я подумала: «П***ец!», - а вслух сказала, - где у тебя можно помыть руки?». На моё счастье рукомойник оказался в конце коридора. Я припустила по лестнице вниз, потом по двору, потом пробежала две остановки, вскочила в автобус и только тогда позволила себе захохотать. Это был тантрический смех, неумолимый и долгий…